

УДК 159.9

DOI <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.25.51>

Советская психология в годы Великой Отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики^{*}

В. А. Кольцова

Институт психологии РАН, г. Москва

Ю. Н. Олейник

Московский гуманитарный университет, г. Москва

Аннотация. В связи с развернувшейся в психологическом сообществе дискуссией о соотношении теоретической и практической психологии рассмотрены факторы актуализации данной проблемы (идеи постмодернизма в психологии, формирование постнеклассического идеала научного знания, недооценка роли фундаментальных психологических исследований, модернизация системы подготовки научных кадров). На примере деятельности психологов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. показана продуктивность реализации методологического принципа единства теории, эксперимента и практики (работы по цветомаскировке, восстановление психических функций после боевых ранений). Сделан вывод о том, что учет опыта истории отечественной психологии является важным условием определения перспективных линий развития психологии и разрешения проблемных вопросов в ее методологии.

Ключевые слова: история психологии, Великая Отечественная война, теоретико-экспериментальная психология, практическая психология, постмодернизм, идеал научности, цветомаскировка, восстановление психических функций.

Для цитирования: Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Советская психология в годы Великой Отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2018. Т. 25. С. 51–58. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.25.51>

В современной психологии одним из активно обсуждаемых вопросов является вопрос о соотношении теоретической и прикладной психологии.

Пусть не покажется странным, однако существуют разные позиции в вариантах ее решения. Достаточно подробно эти позиции представлены в коллективной монографии «Взаимоотношения исследовательской и практической психологии», изданной в 2015 г. Как отмечают в предисловии к ней А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков и А. В. Юревич, «...в 1990-е гг. начала создаваться радикальная неклассическая картина соотношения фундаментальной психологии и психологической практики. Стали раздаваться голоса, свидетельствующие о том, что практическая психология (речь шла преимуще-

^{*} Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-513-18017 Болг_а".

ственно о такой ее отрасли, как психотерапия) существует сама по себе, без опоры на экспериментальную науку» [Журавлев, Ушаков, Юревич, 2015, с. 9].

Как правило, речь идет о роли, значении и адекватности реальности классического, если так можно сказать, методологического принципа психологии – принципа единства теории, эксперимента и практики. В свое время очень подробно и обстоятельно суть этого принципа выразил Б. Ф. Ломов. Он писал, что «общественная практика существенно определяет проблематику психологии, подходы к ее разработке и используемые методы. Психологическая практика развивается на базе тех данных, которые накапливаются в экспериментальных и прикладных исследованиях... Они служат и средством проверки ее истинности. Вместе с тем, развивающаяся теория направляет поиски решения задач, возникающих в эксперименте и практике» [Ломов, 1984, с. 51]. Этим и определяется, по мнению ученого, то обстоятельство, что диалектическое единство теории, эксперимента и практики – это не только «необходимое условие развития всей системы психологических наук», но и «важнейший принцип перспективного планирования развития психологической науки» [Там же, с. 51].

Надо признать, что процесс «автономизации» практической психологии от экспериментально-теоретической психологии имеет под собой достаточно понятные и даже очевидные основания. С нашей точки зрения, в числе факторов, обусловивших подобные тенденции, лежат несколько обстоятельств.

Во-первых, применение и расширение постмодернистских тенденций в сфере науки, и психологии в частности. Как писал еще в 2003 г. В. А. Янчук в своей статье «Психология постмодерна», «именно в эпоху постмодерна происходит осознание психологами самого факта, что психологическая наука слишком далеко оторвалась от своего непосредственного объекта и предмета исследования. Точно так же как начинает все больше осознаваться неадекватность использования к изучению живой человеческой сущности препарирующего свойства методов естествознания» [Янчук, 2003, с. 176]. Можно предположить, что логическим следствием этой «неадекватности» является ограниченность данных, получаемых на основе экспериментальных, препарирующих, методов.

Во-вторых, утверждение в науке новых идеалов познания (вероятнее всего, именно как реализация постмодернистских установок). В частности, М. С. Гусельцева указывает в этой связи: «...Постнеклассический идеал рациональности перестал быть предметом эпистемологических дискуссий, сделавшись явной или неявной исследовательской практикой» [Гусельцева, 2015, с. 179]. Тем самым «постнеклассическая наука совершила модернизацию методологической оптики: переход от индустриальной картины мира и способов мышления о мире – к постиндустриальному исследовательскому сознанию» [Там же, с. 189]. Соответственно, таким образом неявно постулируется разрыв между методологией традиционной академической психологии, отражающей первую точку зрения, и реальной исследовательской деятельностью, в том числе лежащей в основе практической психологии.

В-третьих, активная востребованность практических психологических знаний в интересах развития современного российского общества при одно-временной коммерциализации науки, когда «научные достижения рассматриваются как продукт, прежде всего, имеющий экономический эквивалент, характеризующийся конкурентностью и подлежащий продаже на рынке услуг» [Журавлев, Кольцова, Олейник, 2016, с. 11]. Подобное обстоятельство приводит к тому, что «в наиболее сложном положении оказывается фундаментальная наука, ориентированная на получение знаний с отсроченной перспективой внедрения и экономической валидизации» [Там же, с. 11]. Понятно, что исследовательский цикл «теория – эксперимент – практика – новая теория» может реализоваться в этих условиях лишь в свернутом или даже усеченном виде.

В-четвертых, модернизация системы высшего образования и системы подготовки научных кадров. Сегодня подготовка аспирантов как основного и перспективного звена восполнения научных работников рассматривается не как подготовка специалистов высшей квалификации, а лишь как очередная, хотя и высший, уровень высшего образования. Ввиду этого часто возникает ситуация, когда, закончив аспирантуру, молодой ученый не в полной мере осваивает методологию и практику самостоятельной исследовательской деятельности. И связано это не с качеством обучения в аспирантуре конкретного вуза, а с тем, что значительная часть времени его аспирантского обучения посвящена учебе в классическом понимании этого слова (изучение учебных дисциплин, выполнение практик, подготовка к зачетам, экзаменам). В такой ситуации времени на формирование научного мировоззрения аспиранта с опорой на присвоение им опыта методологической рефлексии и понимания адекватного соотношения теории-эксперимента и практики порой просто не хватает. Тем более что аспирантура завершается не защитой кандидатской диссертации (как было раньше), а выдачей диплома об освоении ступени высшего образования.

Не останавливаясь детально на возможных других факторах и обстоятельствах, приводящих к спорному, с нашей точки зрения, представлению о том, что практическая психология и экспериментально-теоретическая психология могут развиваться относительно независимо друг от друга, приведем примеры из недавнего прошлого нашей науки, которые свидетельствуют о необходимом и более чем конструктивном взаимодействии теории, эксперимента и практики.

Речь пойдет о развитии психологии в нашей стране в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Этот период в советской психологии получил достаточно подробное освещение в работах Б. Г. Ананьева, А. В. Барабанщикова, М. И. Дьяченко, Б. В. Зейгарник, Г. Караяни, Е. А. Климова, В. А. Кольцовой, О. Г. Носковой, Ю. Н. Олейника, Н. А. Рыбникова, С. Л. Рубинштейна, С. Я. Рубинштейн, А. А. Смирнова, Н. Ф. Феденко и др. Отметим, что интерес к этому этапу отечественной психологии не ослабевает и в последние годы, библиография проблематики пополнилась интересными трудами А. В. Белоусова,

Е. П. Гусевой, И. Н. Елисейевой, А. Н. Ждан, О. Е. Серовой, Р. А. Талиповой, Ю. С. Шойгу и др. В настоящее время выявляются все новые вопросы, требующие своей дальнейшей и углубленной разработки, к их числу относится и вопрос о позитивном опыте интеграции исследовательской научной психологической мысли и практики решения конкретных психологических проблем военного времени.

Приведем лишь несколько примеров на эту тему.

1. В предвоенные годы ленинградские психологи в связи с проектом строительства ряда высотных зданий для государственных и правительственных учреждений и организации принимали активное участие в исследовании цветовосприятия человеком высотных зданий. Была теоретически обоснована идея о том, что цвет объекта никогда не воспринимается изолированно от совокупности других факторов: расстояния до объекта, угла восприятия, насыщенности цвета, различной вариативности восприятия того или иного цвета, а также от таких характеристик воспринимаемого объекта, как форма, фактура, величина, положение в структуре пространства и др. С опорой на эти теоретические положения были начаты соответствующие эксперименты.

С началом войны возникла совершенно конкретная и важная практическая задача проведения масштабных работ по маскировке крупномасштабных и высотных зданий Ленинграда, которую надо было решить в самые кратчайшие сроки. В августе 1941 г., опираясь на указанные теоретические разработки, психологи подготовили план экспериментов, а затем в очень ограниченный временной период провели соответствующие экспериментальные исследования. В итоге уже к осени 1941 г. появилась возможность приступить к маскировке города, а к зиме 1941/42 гг. полученные теоретико-экспериментальные данные были уже в полном объеме реализованы в цветомаскировочных мероприятиях. Как отмечает непосредственный участник этих исследований и работ Р. А. Каничева, столь быстрый результат был получен в том числе благодаря творческому переосмыслению и использованию довоенных теоретико-экспериментальных разработок [Каничева, Ярмоленко, 1985]. Представляется, что нет смысла задавать вопрос о том, удалось ли бы сохранить город на Неве практически не пострадавшим, несмотря на массивированные бомбежки. Кстати, подобная же работа была проведена и в Москве. В ночь на 22 июля 1941 г. немецкие бомбардировщики совершили первый налет на Москву. И даже несмотря на то что немецкие летчики имели достаточно точные карты столицы (часть из которых была получена в довоенный период в результате аэрофотосъемки и уточнена уже после начала войны), проведенные цветомаскировочные мероприятия свели разрушения в Москве к минимуму. А ведь задача, поставленная Гитлером перед военными, была более чем категорична. После совещания верховного главнокомандования германских вооруженных сил 8 июля 1941 г. начальник штаба командования сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер отметил в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения

этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки» [Пыхалов, 2005, с. 304].

2. Большую работу в годы Великой Отечественной войны провели психологи по изучению теоретических подходов, разработке концептуальных путей и практических методик восстановления движений и высших психических функций, нарушенных в результате ранений и контузий. Эта работа проводилась под руководством А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, А. Р. Лурии, А. В. Запорожца и других психологов в восстановительных эвакогоспиталях Москвы, Казани, Урала, Горьковской области. Еще в довоенные годы в психофизиологических исследованиях были получены данные, позволяющие высказать теоретическое предположение о том, что любая сложная функция (речь, письмо, счет и т. д.) по своей сути являются сложной функциональной системой, основанной на совместной работе различных участков мозговой коры. При этом каждый из участков мозга, являясь частью коркового представительства того или иного анализатора, вносит свой специфический вклад в осуществление деятельности всей этой функциональной системы. В силу этого поражение одного участка коры мозга приводит к нарушению всех процессов, которые опираются на участие данной корковой зоны. Эта функциональная системность строения мозга и осуществления сложных видов психической деятельности приводит к тому, что разрушение различных участков мозга имеет следствием нарушение одной и той же функциональной системы (например, произвольного действия, речи или письма). В то же время это нарушение каждый раз будет отличаться своеобразными особенностями протекания и может быть нивелировано путем компенсационного включения в осуществление этой нарушенной деятельности новых сохранных участков коры головного мозга. Таким образом, психологами был предложен новый, оригинальный и, главное, конструктивный путь восстановления утраченных функций – путь их функциональной перестройки.

И хотя в данном случае экспериментальная проверка теоретических идей осуществлялась уже непосредственно при практической восстановительной работе, тем не менее и в этом примере более чем очевидна тесная и продуктивная взаимосвязь теории, эксперимента и практики.

Такое подтверждение того, что только через диалектическое единство теории, эксперимента, практики возможно решение серьезных практических задач и постановка новых, уже теоретических вопросов для дальнейшей разработки на примере деятельности психологов в годы Великой Отечественной войны можно многократно множить [Кольцова, Олейник, 2006]. И совершенно справедливо А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков и А. В. Юревич рассматривают период Великой Отечественной войны как одну из ярких страниц оптимального взаимодействия теории и практики психологии, приходят к выводу, что нет необходимости «драматизировать проблему связи фундаментальной психологии с практикой в целом», поскольку «фундаментальная психология имеет немало практических приложений» [Журавлев, Ушаков, Юревич, 2015, с. 10].

Таким образом, представляется, что история отечественной психологии даже данного периода показывает, что теоретико-экспериментальные разработки довоенного времени в кратчайшие сроки были реализованы в виде конкретных практических результатов в годы войны и послужили основой для дальнейших теоретических разработок уже на послевоенном этапе. Указанный опыт взаимосвязи теоретико-экспериментальной и практической работы свидетельствует о том, что невозможна абсолютизация какой-то одной формы научного знания. Требуется активное и согласованное развитие и научных теоретических взглядов, и научной экспериментатики, и практических приложений первых двух. Это три кита, на которых основывается успешное развитие психологии и определяются позитивные векторы ее будущего. И история советской психологии неоднократно подтверждает этот тезис.

Список литературы

Гусельцева М. С. Культурно-деятельностная эпистемология как основание интеграции исследовательской и практической психологии // *Взаимоотношения исследовательской и практической психологии* / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М. : Ин-т психологии РАН, 2015. С. 179–213.

Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // *История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций* : материалы Всерос. конф. по истории психологии «VI Московские встречи» (30 июня – 2 июля 2016 г.) / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 7–15.

Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия) // *Взаимоотношения исследовательской и практической психологии* / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М. : Ин-т психологии РАН, 2015. С. 7–17.

Каничева Р. А., Ярмоленко А. В. Ленинградские психологи в годы войны // *Психол. журн.* 1985. № 6. С. 3–12.

Кольцова, В. А., Олейник Ю. Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М. : Моск. гуманитар. ун-т : Ин-т психологии РАН, 2006. 360 с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 444 с.

Пыхалов И. Великая Оболганная война. М. : Яуза, Эксмо, 2005. 480 с.

Янчук В. А. Психология постмодерна // *Время как фактор изменений личности.* Сборник науч. трудов / под ред. А. Б. Брушлинского, В. А. Поликарпова. Минск : ЕГУ, 2003. С. 175–201.

Soviet Psychology during Great Patriotic War: Cohesion of Theory, Experiment and Practice

V. A. Koltsova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Y. N. Oleynik

Moscow Humanitarian University, Moscow

Abstract. Regarding the question of correlation between theoretical and practical psychology discussed in the psychological academic community factors putting it on a modern footing have been considered (ideas of postmodernism in psychology, developing a post-non-classical ideal of scientific knowledge, underestimation of fundamental psychological research, modernization of the system of training scientists). Taking the activity of psychologists during 1941-1945 Great Patriotic War as an example the author showed efficiency of methodological principle of cohesion of theory, experiment and practice (works on color camouflage, rehabilitation of mental functions after battle wounds). The author came to a conclusion that focus on the history of the Russian psychology is an important prerequisite to determine perspectives for developing psychology and solving problematic issues of its methodology.

Keywords: history of psychology, Great Patriotic War, theoretical and experimental psychology, practical psychology, postmodernism, ideal of a scientific approach, color camouflage, rehabilitation of mental functions.

For citation: Koltsova V.A., Oleynik Y.N. Soviet Psychology during Great Patriotic War: Cohesion of Theory, Experiment and Practice. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2018, vol. 25, pp. 51-58. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.25.51> (in Russian)

References

Guseltceva M.S. Kul'turno-deyatel'nostnaya epistemologiya kak osnovanie integracii issledovatel'skoj i prakticheskjo psihologii [Cultural-activity epistemology as basis of integration of research and practical psychology]. *Vzaimootnosheniya issledovatel'skoj i prakticheskjoj psihologii* [Research and practical psychology relationship]. Moscow, Institut psihologii RAS Publ., 2015, pp. 179-213. (in Russian)

Zhuravlev A.L., Koltsova V.A., Olejnik Yu.N. Izuchenie otechestvennoj i mirovoj psihologicheskaj mysli: rezul'taty i perspektivy issledovanij [Research of domestic and world psychological thought: results and prospects of researches]. *Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskaj mysli: sud'by uchenyh, dinamika idej, sodержanie koncepcij* [History of domestic and world psychological thought: fate of scientists, loudspeaker of ideas, contents of concepts]. *Materialy vsrossijskoj konferencii po istorii psihologii «VI Moskovskie vstrechi»*. Moscow, Institut psihologii RAS Publ., pp. 7-15. (in Russian)

Zhuravlev A.L., Ushakov D.V., Yurevich A.V. Akademicheskaya psihologiya i praktika: istoriya otnoshenij i sovremennye problemy (vmesto predisloviya) [Academic psychology and practice: history of the relations and modern problems (instead of the preface)]. *Vzaimootnosheniya issledovatel'skoj i prakticheskjoj psihologii* [Research and practical psychology relationship]. Moscow, Institut psihologii RAS Publ., 2015, pp. 7-17. (in Russian)

Kanicheva R.A., Yarmolenko A.V. Leningradskie psihologi v gody vojny [Leningrad psychologists in the years of war]. *Psihologicheskij zhurnal*, 1985, no. 6, pp. 3-12.

Koltsova V.A., Olejnik Yu.N. *Sovetskaya psihologicheskaya nauka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945)* [Soviet psychological science in the years of the Great Patriotic War (1941-1945)]. Moscow, Mosk. gumanit. Universitet, Institut psihologii RAS Publ., 2006, 360 p. (in Russian)

Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 444 p. (in Russian)

Pyhalov I. *Velikaya Obolgannaya vojna* [The Great slandered War]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2005, 480 p. (in Russian)

Yanchuk V.A. *Psihologiya postmoderna* [Psychology of postmodern]. *Vremya kak faktor izmenenij lichnosti* [Time as factor of changes of the personality]. *Sbornik nauch. trudov*. Minsk, EGU Publ., 2003, pp. 175-201. (in Russian)

Кольцова Вера Александровна

доктор психологических наук, профессор,
заведующая, лаборатория истории
психологии и исторической психологии
Институт психологии РАН
Россия, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, 13
e-mail: fotus@mail.ru

Koltsova Vera Aleksandrovna,

Doctor of Sciences (Psychology), Professor,
Head, Laboratory of the History
of Psychology and Historical Psychology
Institute of Psychology RAS
13, Yaroslavskaya st., Moscow,
129366, Russian Federation
e-mail: fotus@mail.ru

Олейник Юрий Николаевич

кандидат психологических наук, доцент,
заведующий, кафедра общей психологии
и истории психологии
Московский гуманитарный университет
Россия, 111395, г. Москва, ул. Юности, 5
e-mail: yurii03@mail.ru

Oleinik Yuri Nikolaevich

Candidate of Sciences (Psychology),
Associate Professor, Head, Department
of General Psychology and History
of Psychology,
Moscow University for the Humanities
5, Yunost` st., Moscow, 111395, Russian
Federation
e-mail: yurii03@mail.ru

Дата поступления: 23.08.2018

Received: August, 23, 2018